

рических исследований. В отношении методологии вряд ли можно с уверенностью говорить, что в новейшей историографии уже созданы новые определения и подходы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма. М., 1964.
2. Ванаг Н. Финансовый капитал в России накануне мировой войны. Опыт историко-экономического исследования системы финансового капитала в России. М., 1925; Ронин С. Иностраный капитал и русские банки. К вопросу о финансовом капитале в России. М., 1926; Маевский И. В. К вопросу о зависимости России в период первой мировой войны // Вопросы истории. 1957. № 1. С. 69-77.
3. Бовыкин В. И., Гиндин И. Ф., Тарновский К. Н. Государственно-монополистический капитализм в России (к вопросу о предпосылках социалистической революции) // История СССР. № 3. С. 83-118.
4. Материалы научной конференции «История и перестройка» // История СССР. 1989. № 3. С. 208-215; Шаццло К. Ф. Государство и монополии в военной промышленности России (конец XIX в.— 1914 г.). М., 1992.
5. Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972.
6. Фомин П. И. Синдикаты и тресты. Харьков, 1919; Цыперович Г. В. Синдикаты и тресты в России. Пг., 1918.
7. Грот Л. Ю. Синдикат «Продамет» как монополистическая организация. Автореферат дис. канд. ист. наук. М., 1940; Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. М., 1950.
8. Хромов П. А. Очерки экономики текстильной промышленности СССР. М.-Л., 1946; Бакулев Г. Д. Черная металлургия Юга России. М., 1953.
9. Отчет о работе сессии научного совета «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции» // История СССР. 1959. № 3. С. 83-118; Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972.
10. Лаверычев В. Я. Военный государственно-монополистический капитализм в России. М., 1988; Поликарпов В. В. О «коммерческом» управлении государственной промышленностью в России начала XX в. // Вестник МГУ. Серия история. 1988. № 4. С. 48-62.
11. Лаверычев В. Я. Военный государственно-монополистический капитализм в России. М., 1988.
12. Кузьмичев А., Петров Р. Русские миллионщики. Семейные хроники. М., 1993; Троицкая Н. А. Адольф Васильевич Датман: биография предпринимателя // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1994. № 3. С. 184-188.

Г. Ю. Филипповский

Работа с текстом «Повести временных лет» в школе

Знакомство с древнерусской литературой в школе начинается с 6 класса: в учебном пособии «Литература» В. П. Полухиной за первыми разделами «Мифы народов мира» и «Знакомство с Библией» идет третий — «Древнерусская литература». Конечно, он очень невелик, ограничивается двумя сказаниями «Повести временных лет» с небольшим вступлением. Однако важен, на наш взгляд, сам факт его непосредственного соседства с рассказом о Библии, с текстами избранных новозаветных притч, важен прежде всего сделанным составителем во вступительной заметке о «Повести

временных лет» (далее — ПВЛ) акцентом на книжных первоосновах культуры ранней Руси X-XI вв.: «Князь любил читать и собирал многих книгописцев, которые переводили на русский язык греческие, болгарские и латинские книги» [1]. Здесь правды ради следовало бы сказать несколько слов о Солунских братьях — первоучителях славян святых Кирилле (Константине) и Мефодии, создавших с учениками в IX веке и грамоту и самую книжность славян, к которой в конце X века обратилась принявшая христианство Русь. Видимо, составители пособия считали, что эту информацию вполне может дать непосредственно на уроке учитель, как, видимо, и о самой ранней из датированных книг Руси — Остромировом Евангелии 1056-1057 гг., переписанном со старославянского (староболгарского) оригинала писцом Григорием в Киеве по заказу Остромира — посадника Великого Новгорода.

До X-XI вв. ни книжности, ни литературы в современном значении этого слова на Руси не существовало (какова же была устная словесность тогда — нам сейчас остается только гадать). Отталкиваясь от библейско-христианской переводной книжности, в XI-XII вв. на Руси появляется своя, оригинальная литература, поэтому составитель школьного пособия 6 кл. поступает правильно, говоря об авторском характере литературного труда на Руси, назвав по именам Нестора и Сильвестра — ученых монахов, составителей русской ранней летописи.

Самобытная литература Руси возникла не вдруг, она сформировалась на основе *своего* материала — *своих* героев и событий в X и XI веках, и к началу XII века сам факт ее реального существования неопровержим. В ее состав входило выдающееся «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, произведения о святых Борисе и Глебе, Феодосии Печерском, Владимире Святom. Однако и процесс и сам факт формирования литературы Руси ярче всего отобразился в «Повести временных лет», летописи, литературной эпопее о судьбах начальной Руси от истоков до крещения в X веке и расцвета в XI-начале XII вв. Как формировалась христианская цивилизация Руси, так формировалась и литература Руси,

формировалось и литературное целое ПВЛ начала XII века на основе огромного труда писателей-летописцев от X, XI и до начала XII вв. ПВЛ возникла не потому, что кому-то этого сильно захотелось, — грандиозная литературно-историческая эпопея начальной Руси возникла как органическое, естественное следствие развития новой Руси, динамики, возрастания качества книжно-литературной работы писателей Руси X, XI до начала XII века.

Авторская позиция летописца как писателя правомерно не сводится составителем только к фиксации фактов или некоей беспристрастности — напротив, подчеркивается, что автор-летописец прославляет одних князей и осуждает других, славит князя Владимира I и Ярослава Мудрого, «которые ввели на Руси христианство и приобщили страну к мировой культуре, много сделали для просвещения Руси» [1], «учили жить, сравнивая настоящее с годами минувшими» [1]. Конечно, весьма уместно было бы, приводя заглавие ПВЛ: «Се повести временных лет, откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве начал першее княжити, и откуда Русская земля стала есть» [1], обратить внимание учеников (да и учителей тоже) на явную устремленность мысли писателя-летописца к теме истоков Руси, Русской земли (то есть земли, народа и княжеского рода), тем более, что чуть ранее по тексту учебного пособия тема истоков мировой культуры Слова была увязана в сознании ученика с памятниками мировой мифологии и с Библией.

Безусловно, что избранные два сказания объединяет с общей проблематикой ПВЛ и ее программным заглавием связь с темой истоков — в первом из них, сказании о кожемяке — происхождение имени города Переяславля от легенды о победе воина-кожемяки над печенежином («перял славу»), во втором сказании, о Белгородском киселе — тема Земли как истоков спасения народа, города от неминуемой, казалось бы, гибели (колодцы, вырытые в земле, «снабжали» осажденных медом и киселем). На первый взгляд кажется, что содержание обоих сказаний ПВЛ исключительно устно-легендарное, своеземное по своему происхождению. Хронологически, а первое сказание и тематически, связаны эти литера-

турные тексты с временем князя Владимира Святославича: «Князь Владимир только возвратился с войны, как напали на Русь печенегы. Выступил Владимир против них и встретил их на берегу реки Трубеж у брода...». Однако достаточно посмотреть на каждое из двух сказаний как на литературное произведение, а не на как некий исторический источник, то есть с точки зрения сюжета, фабулы, композиции, образов, — как выступают контуры библейских сюжетов. В сказании о воине-кожемяке — это интерпретация известного библейского сюжета о поединке Давида и Голиафа, юноши-пастуха и огромного воина-богатыря. Е. Рогачевская в своем удачном школьном пособии (Книге для чтения по древнерусской литературе для 5-9 классов) справедливо утверждает, что «ни одно произведение древнерусской словесности не могло возникнуть без отсылок или цитат из Священного Писания, причем использование «чужого» текста в «своем» могло быть подчинено различным целям» [2]. С точки зрения природы литературной самобытности двух избранных сказаний можно, тем самым, говорить о соединении, сплаве двух очевидных источниковых основ литературного своеобразия этих сказаний — устно-легендарной, фольклорной, и книжно-христианской, библейской.

Разумеется, библейско-книжная первооснова сказания о победе воина-кожемяки обрела новые черты литературного своеобразия. Это и мотив противостояния Руси и печенегов по обеим сторонам реки Трубеж у брода, за чем следует парный мотив противостояния героев-поединщиков. Встрече-поединку воинов предшествует встреча князя Владимира с печенежским князем и их переговоры. Уже в требовании печенежского князя выступает оппозиция: агрессивной, воинственной позиции печенегов и оборонительной, мирной в своей основе — Руси: «Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года, если же наш муж бросит твоего оземь, то будем разорять вас три года». Рубежом противостояния двух земель, Русской и Печенежской, двух миров сказания, выступает река Трубеж: «... на берегу реки Трубеж у брода. И стоял Владимир на этой стороне, а печенегы — на той, и не

решались ни наши перейти на ту сторону, ни те — на эту. И подъехал князь печенежский к реке, вызвал Владимира и сказал ему...». Здесь явно видны следы древнего культа Земли, о котором писали Д. С. Лихачев и один из его старших коллег В. Л. Комарович в статье «Культовый род и земли в княжеской среде XI-XIII вв.» [3]. Не случайно тема Русской земли и истоков княжеского рода Руси программно заявлена уже в заглавии ПВЛ. Образ Земли в сказании связан не только с защитой Руси, но и с темой Суда противостоящих сторон [4]. В качестве первоосновы, первоисточка выступает образ, тема Земли не только в первом, но и во втором избранном сказании — о Белгородском киселе. Образ и тема *Земли* прежде всего олицетворяют тот легендарно-мифологический пласт сказаний ПВЛ, который органически переплетается с их библейско-христианской источниковой основой [5], библейской темой *спасения* народа, страны, как она звучит в книге Царств, гл. 17 о Давиде, победившем Голиафа и угрозу филистимлян (как основа сюжета первого сказания о воине-кожемяке); и книге Исход, гл. 16 о спасении народа от голодной смерти (основа сюжета второго сказания о Белгородском киселе). Соединение архаической темы Земли и христианской темы Спасения явится той базовой основой, на которой будет в XIII веке формироваться художественное своеобразие новой, оригинальной литературы Руси от ПВЛ до «Слова о полку Игореве».

Важнейшим персонажем сказаний о воине-кожемяке и о Белгородском киселе выступает образ старого мужа как носителя мудрости и народа и образ-символ Русской земли. Образ князя Владимира предстает здесь как образ победителя только номинально, по существу же победу Руси обеспечивает добровольное вмешательство, инициатива совсем не князя-воина, а мудрого старца. С первого взгляда представляется сказочным, эпическим мотив выбора, представления старцем своего *младшего сына* в качестве поединщика, однако он известен и по Библии, где Давид был именно *младшим сыном* Иессея.

Сказание поражает обилием мотивов архаического типа: возвращения; реки как рубежа противостояния двух противных сторон,

земель; испытания (в частности, испытания быком — отголоски древних ритуальных игр с быком); мотив героя-младшего сына. В сказании выступает тема не столько войны и мира, сколько войны и мира (в значении народа и земли, как, например, это было в первоначальном рукописном варианте заглавия романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир»).

Автор данных двух сказаний ПВЛ Нестор-летописец, по версии акад. А. А. Шахматова и Д. М. Приселкова [6], обращаясь к теме истоков, тяготеет в том числе к жанру топонимической легенды, народного предания об основании города: «Владимир же рад был и заложил город у брода и назвал его Переяславль, ибо переял славу отрок тот. И сделал его Владимир великим мужем и отца его тоже. И возвратился Владимир в Киев с победой и со славою великой».

Второе из рассматриваемых сказаний — о Белгородском киселе, казалось бы, не столь очевидно, как первое, связано литературно с библейскими сказаниями. Однако сюжет его о спасении старцем своего народа в годину тяжелых испытаний и бед живо перекликается с сюжетом библейской книги Исход о спасении своего народа, погибавшего от голода на пути из египетского плена в землю обетованную. В целом же сказание вписывается вместе с другим (о войне-кожемяке) в цикл сказаний ПВЛ о князе Владимире Святославиче как новом великом устроителе Русской земли. Не случайно в тексте ПВЛ практически соседствуют три текста: сказания (под 992 г.) о победе война-кожемяки и основании Владимиром города Переяславля как бы в честь этой победы; другое, предшествующее ему (под 991 г.): «Владимир заложил город Белгород и набрал для него людей из иных городов, а свел в него много людей, ибо любил город тот», — тесно увязанное со сказанием о Белгородском киселе (под 997 г.).

Примечательна фраза писателя-летописца, которой он заканчивает летописный текст под 996 год, как бы предваряя текст под 997 сказания о Белгородском киселе: «И живяше Владимиръ по устроенью отъню и дедьню». Характерно, что текст ПВЛ под 996 год полон рассказов о пирах и праздниках князя Влади-

мира для всего народа, включая последних нищих, здесь же упоминаются как равные христианские епископы и старцы градские-мудрецы: «И сказали епископы и старцы: «Войн много у нас...» Образы старцев являются ключевыми для сюжетов приведенных сказаний, своего рода символизирующими связь старых дохристианских времен и нового христианского времени, олицетворением символа-образа Русской земли. В известном смысле фраза: «Имемъ бо кормлю от земли...» (из сказания о Белгородском киселе и меде из земляных колодцев) в сочетании с предшествующими описаниями пиров, праздников, изобилия на Русской земле — призвана символизировать образ земли обетованной. Сюда, на новую Русь, обновленную христианством, привел князь Владимир свой новокрещенный народ.

Простые по своему тексту сказания-притчи о торжестве новой Русской земли князя Владимира-крестителя Руси полны символического литературно-философского смысла, содержания. Литературно-художественные по характеру и структуре своего текста, эти два сказания в чем-то едины и не просто перекликаются общей для них темой истоков или мотивами сказаний библейской древности. Образ князя Владимира символизирует здесь идею христианизации Руси, и сами сказания подобно «Слову о Законе и Благодати» Илариона органически соединяют ветхозаветную и новозаветную тему, — подобная связь более чем типична для раннесредневековых европейских литератур.

Д. С. Лихачев вслед за летописцем называл ПВЛ «исходищем мудрости», но вполне обоснованно считать ее и «исходящим» нашей литературы. Ключевой для нее образ Русской земли, как и сама ПВЛ, служили своего рода мостом, соединившим прошлое Руси, да и всего христианского мира, с ее настоящим и будущим. Тема мудрости книжной особо подчеркивается в избранном для чтения в учебном пособии 7 класса тексте из ПВЛ. Здесь, как бы в продолжение подборки из ПВЛ в пособии 6 класса, приводится фрагмент «похвалы книгам» под 1037 год в связи с христианским строительством Ярослава Мудрого, затем фрагменты из «Поучения» князя Владимира Мономаха

и из «Повести о Петре и Февронии Муромских». Лейтмотивом этих фрагментов древнерусской литературы выступает тема мудрости, в первом небольшом отрывке похвалы Ярославу Мудрому она повторена четырежды. «Неищетенная глубина» мудрости прославлена не только в ранних памятниках литературы, книжности Руси. Вспомним, что ранние соборы XI века Киева, Новгорода, Полоцка были посвящены Софии — Премудрости Божией. Мудрость, как считают древнерусские писатели-летописцы, дает «велику ползу души своей».

«Поучение» князя Владимира Мономаха [7] в составе ПВЛ формируется автором для включения в летописную эпопею «на далече пути да на санех седя», то есть в преклонном возрасте, на пороге смерти. Мудрые писания книжные совпадают у Мономаха с возрастом мудрости. Он — старец, как и герои летописных сказаний о воине-кожемяке (отец юного героя-победителя), сказания о Белгородском киселе (мудрый старец, давший спасительный для города и горожан совет). В том же пособии для 7 класса приведен еще один фрагмент ПВЛ, где лейтмотивом звучит та же тема мудрости — сказание о смерти Олега от своего коня (здесь текст сказания ПВЛ соседствует со знаменитым пушкинским переложением, известном как «Песнь о вещем Олеге»). Здесь старец-волхв, «мудрый кудесник, любимец богов» — в центре сказания, как и его герой «вещий» Олег (то есть мудрый). Именно так, «вещим», назван князь Олег в летописном тексте ПВЛ под 907 год, причем и в летописи, и в поэтическом переложении А. С. Пушкина — мудрым скорее в ироническом смысле: герой-человек (тем более язычник), по мысли монаха-летописца-христианина, не мог знать своей грядущей судьбы — будущие судьбы мира и людей ведает только Бог. Не случайно летописец завершает статью 907 года о смерти князя Олега словами: «И прозвали Олега Вещим, так как люди были язычниками и непросвещенными». Мудрой предстает в изложении писателей-летописцев княгиня Ольга в тексте о ее

крещении в Константинополе под 955 год, в рассказах о трех местах ее за смерть мужа, князя Игоря, причем здесь же писатель-летописец сравнивает ее с царицей Савской: «Произошло это как при Соломоне (библейский мудрый царь — Г. Ф.): пришла царица эфиопская к Соломону, стремясь услышать премудрость Соломона, и увидела свидетельства его многомудрия: так же и эта блаженная Ольга искала настоящей божественной мудрости, но та (царица эфиопская) — человеческой, а эта — Божьей».

Можно с уверенностью сказать, что ранняя литература Руси, в частности, сказания ПВЛ Нестора-летописца, особое внимание обращали на тему мудрости, что не замедлило повлиять на появление и саму художественную концепцию таких шедевров литературы конца XII века, как «Слово Даниила Заточника» и «Слово о полку Игореве» [8]. Образ мудрого героя (Псевдо-Даниила или Святослава Киевского) выступает как антитеза образам неразумия, в том числе и образу авантюрного, опрометчивого героя «Слова о полку Игореве», приведшего свои дружины к гибели в степи половецкой [9]. Истоки этой весьма продуктивной литературной антитезы XII века находим уже в одном из сказаний ПВЛ конца XI — начала XII вв. — о вещем Олеге. Гибель князя Олега от своего коня как финал сказания находится в резком противоречии с его прозвищем «вещий», то есть знающий будущее, мудрый. Кстати, финальный эпизод сказания связан, как и сказания о воине-кожемяке и о Белгородском киселе, с топонимической легендой — об «Ольговой Могила» (она упоминается в летописи середины XII в. как ориентир в княжеских военных походах): «Оплакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемую Щекловица; есть же могила его и донныне, слывет Могила Ольгова».

Тем самым в дополнение к обозначенной выше базовой основе формирования своеобразия новой оригинальной литературы Руси XII века от ПВЛ до «Слова о полку Игореве» (архаическая тема Земли и христианская тема Спасения) следует добавить тему мудрости (также, как выше показано, проходящей лейт-

мотивом практически через все литературные произведения Руси XII века). В пособии по русской литературе для 7 класса [10] текст о книжной премудрости в княжение Ярослава Мудрого находится в окружении не только фрагментов мудрого поучения Владимира Мономаха, но и сказания ПВЛ об Олеге Вещем, введенном, как уже отмечалось, параллельно с пушкинским стихотворным переложением. Великий поэт гениально почувствовал значение образов мудрых старцев в древнерусских летописных сказаниях (вспомним образ летописца-монаха Пимена в «Борисе Годунове» А. С. Пушкина). В «Песни о вещем Олеге» он придал рассуждениям старца-волхва особую программную поэтическую значимость, высоту, поставив этот образ фактически вровень с героями-старцами сказаний о войне-кожемяке и о Белгородском киселе. Образная антитеза волхва-старца и князя Олега Вещего во многом предопределила успех поэтической драматизации в «Песни о Вещем Олеге» (кто же из них мудр?). К образу вещего старца Пушкин вернется и в конце своей жизни, работая с текстом «Слова о полку Игореве» (образ Бояна Вещего).

В учебном пособии для 7 класса цикл древнерусских сказаний о мудрой старине завершает текст «Повести о Петре и Февронии» — рассказ о мудрой девице. Здесь мудрость встретилась с умом и красотой, прежде всего, с душевной — героини, мудрой крестьянки Февронии. Произведение удивительно гармонично, как гармоничен и сам образ героини, — недаром Д. С. Лихачев охарактеризовал литературное своеобразие как стиль «психологической умиротворенности» [11]. Здесь в полной мере отразились ренессансные влияния в прозе XV-XVI вв. Гармоническое соединение книжно-христианских (средневековых) и народно-культурных составляющих в данной повести сопоставимо с подобной же сложностью литературной природы сказаний ПВЛ XII века, поскольку в современной научной традиции литература и культура этого периода получила обозначение «Ренессанс XII века» [12], только для Руси, в отличие от Европы, это было не Возрождение, а Становление.

Вопросы и задания учащимся:

1. Выскажите свое мнение: были ли сказания «Повести временных лет» плодом индивидуального литературного труда или являлись произведениями коллективного фольклорного творчества? Если первое, то можете ли Вы назвать имя автора (или имена авторов) конкретных сказаний ПВЛ?
2. Были ли сказания ПВЛ плодом простого пересказа, фиксацией того или иного устного источника? Мотивируйте свой ответ.
3. Имели ли сказания ПВЛ устно-легендарные составляющие? Если имели, то каковы они? Приведите конкретные примеры.
4. Имели ли сказания ПВЛ книжно-литературные составляющие? Если имели, то каковы они? Приведите конкретные примеры.
5. Можно ли считать сложной литературную природу сказаний ПВЛ? Если да, то в чем эта сложность выражается и как она себя проявляет? Покажите на примерах.
6. В чем состоит, по-Вашему, специфика литературного историзма сказаний ПВЛ? Что в них преобладает: литературное или историко-документальное начало? Как они между собой соотносятся?
7. В чем, по-Вашему, состоит значение роли старцев в сказаниях ПВЛ? Поясните на примерах.
8. Чем Вы объясните особую роль образов старцев в сказаниях ПВЛ, посвященных военно-героической тематике? Мотивируйте свое объяснение.
9. Почему, по-Вашему, общей для всех сказаний ПВЛ является тема спасения и как она интерпретируется в разных случаях? Покажите на конкретных примерах.
10. Почему общей для всех сказаний ПВЛ является тема Земли и как она интерпретируется авторами ПВЛ в разных случаях? Приведите конкретные примеры, ответы мотивируйте.
11. Почему общей для всех сказаний ПВЛ является тема мудрости и как она про-

является в разных сказаниях? Ответ и конкретные примеры мотивируйте.

12. Чем сказания ПВЛ обнаруживают сходство с «Поучением» князя Владимира Мономаха, со «Словом о полку Игореве», с «Повестью о Петре и Февронии Муромских»? Поясните сходство конкретных образов, тем, мотивов. Ответы мотивируйте. Покажите роль и значение «Повести временных лет» для последующего развития древнерусской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литература. Учебная хрестоматия для 6 класса средней школы. Автор-составитель В. П. Полухина. М.: Просвещение, 1995. С. 33-35. Тексты также цитируются по изданиям: Литература. Учебник-хрестоматия для 7 класса средней школы. Автор-составитель В. Я. Коровина. М.: Просвещение, 1993; Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. Сост. Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев. М., 1978.
2. Древнерусская литература. Книга для чтения. 5-9 классы. Сост. Е. Рогачевская. М.: Школа-Пресс, 1993. С. 9.
3. Лихачев Д. С. Великий путь. Становление русской литературы XI-XVII веков М.: Современник, 1987. С. 55; Комарович В. Л. Культ рода и Земли в княжеской среде XI-XIII вв. // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом). Т. XVI. М.-Л., 1960. С. 84-104.
4. Смирнов С. Исповедь земле // Смирнов С. Древнерусский духовник. М., 1913; Приложение 2. С. 255-283; Лихачев Д. С. Земля родная. М.: Просвещение, 1983.
5. Кизилов Ю. А. Историческое мировоззрение авторов «Повести временных лет» // «Вопросы истории». 1978. № 10. С. 61-78.
6. Шахматов А. А. «Повесть временных лет» (три редакции) // Древнерусская литература в исследованиях. Хрестоматия. Сост. В. В. Кусков. М.: Высшая школа, 1986. С. 134-161; Приселков М. Д. История русского летописания XI-XV вв. С-Пб., 1996. С. 78-79.
7. См. Орлов А. С. Владимир Мономах М.-Л., 1946; Филипповский Г. Ю. Работа с текстом «Поучения» Владимира Мономаха в школе // Ярославский педагогический вестник. Научно-методический журнал. 1997. № 4. С. 146-148.
8. См. об этом статьи Х. Бирнбаума и Р. Романчука (С. 576-602), Г. Филипповского (С. 470-474) в юбилейном научном сборнике статей к 90-летию Д. С. Лихачева // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом). Т. 50. С-Пб., 1997.
9. См. Филипповский Г. Ю. Работа над текстом «Слова о полку Игореве» в школе // Ярославский педагогический вестник. Научно-методический журнал. 1996. № 2. С. 79-84.
10. Литература. Учебник-хрестоматия для 7 класса средней школы. Автор-составитель В. Я. Коровина. М.: Просвещение, 1993.
11. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., Л., 1958. Гл. 5. С. 104-106.
12. Термин Ч. Хаскинса. См.: Кристофер Брук. Возрождение XII века // Богословие в культуре средневековья. Киев, 1992. С. 119-226.

Н. В. Кудрявая

Лев Толстой:

искатель истины или
«зеркало русской революции»?

...главнейшая есть наука о том, как жить, делая как можно меньше зла и как можно больше добра.

Лев Толстой

26 октября 1907 года Л.Н. Толстой записал в дневнике: «Странно, что мне приходится молчать с живущими вокруг меня людьми и говорить только с теми далекими по времени и месту, которые будут слышать меня».

является в разных сказаниях? Ответ и конкретные примеры мотивируйте.

12. Чем сказания ПВЛ обнаруживают сходство с «Поучением» князя Владимира Мономаха, со «Словом о полку Игореве», с «Повестью о Петре и Февронии Муромских»? Поясните сходство конкретных образов, тем, мотивов. Ответы мотивируйте. Покажите роль и значение «Повести временных лет» для последующего развития древнерусской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литература. Учебная хрестоматия для 6 класса средней школы. Автор-составитель В. П. Полухина. М.: Просвещение, 1995. С. 33-35. Тексты также цитируются по изданиям: Литература. Учебник-хрестоматия для 7 класса средней школы. Автор-составитель В. Я. Коровина. М.: Просвещение, 1993; Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. Сост. Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев. М., 1978.
2. Древнерусская литература. Книга для чтения. 5-9 классы. Сост. Е. Рогачевская. М.: Школа-Пресс, 1993. С. 9.
3. Лихачев Д. С. Великий путь. Становление русской литературы XI-XVII веков М.: Современник, 1987. С. 55; Комарович В. Л. Культ рода и Земли в княжеской среде XI-XIII вв. // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом). Т. XVI. М.-Л., 1960. С. 84-104.
4. Смирнов С. Исповедь земле // Смирнов С. Древнерусский духовник. М., 1913; Приложение 2. С. 255-283; Лихачев Д. С. Земля родная. М.: Просвещение, 1983.
5. Кизилов Ю. А. Историческое мировоззрение авторов «Повести временных лет» // «Вопросы истории». 1978. № 10. С. 61-78.
6. Шахматов А. А. «Повесть временных лет» (три редакции) // Древнерусская литература в исследованиях. Хрестоматия. Сост. В. В. Кусков. М.: Высшая школа, 1986. С. 134-161; Приселков М. Д. История русского летописания XI-XV вв. С-Пб., 1996. С. 78-79.
7. См. Орлов А. С. Владимир Мономах М.-Л., 1946; Филипповский Г. Ю. Работа с текстом «Поучения» Владимира Мономаха в школе // Ярославский педагогический вестник. Научно-методический журнал. 1997. № 4. С. 146-148.
8. См. об этом статьи Х. Бирнбаума и Р. Романчука (С. 576-602), Г. Филипповского (С. 470-474) в юбилейном научном сборнике статей к 90-летию Д. С. Лихачева // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом). Т. 50. С-Пб., 1997.
9. См. Филипповский Г. Ю. Работа над текстом «Слова о полку Игореве» в школе // Ярославский педагогический вестник. Научно-методический журнал. 1996. № 2. С. 79-84.
10. Литература. Учебник-хрестоматия для 7 класса средней школы. Автор-составитель В. Я. Коровина. М.: Просвещение, 1993.
11. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., Л., 1958. Гл. 5. С. 104-106.
12. Термин Ч. Хаскинса. См.: Кристофер Брук. Возрождение XII века // Богословие в культуре средневековья. Киев, 1992. С. 119-226.

Н. В. Кудрявая

Лев Толстой:

искатель истины или
«зеркало русской революции»?

...главнейшая есть наука о том, как жить, делая как можно меньше зла и как можно больше добра.

Лев Толстой

26 октября 1907 года Л.Н. Толстой записал в дневнике: «Странно, что мне приходится молчать с живущими вокруг меня людьми и говорить только с теми далекими по времени и месту, которые будут слышать меня».